

завтрак на руинах

Глава 9

ГДЕ-ТО НЕДАЛЕКО ОТ КИЕВА 1920: ПРОЕЗЖАЯ МИМО

Майкл МУРКОК

Перевод
Виктора Беньковского

Вчера поступило официальное сообщение о расправе красной гвардии над царской семьей в городе Екатеринбург. Оно было передано от имени нового большевистского правительства по беспроволочному телефону:

«В последнее время Екатеринбург — столица красного Урала — подвергался серьезной угрозе со стороны приближающихся чехословацких банд. Одновременно с этим был вскрыт контрреволюционный заговор, имеющий целью вырвать свергнутого царя и его семью из рук советской власти путем применения силы. Ввиду этого советским правительством было принято решение о расстреле царской семьи. Решение было принято 16 июля сего года. Жена и сын Николая Романова были под стражей перевезены в Екатеринбург. Документы о раскрытом заговоре были отправлены в Москву специальным курьером. До последнего времени сохранялось в силе первоначальное решение о том, чтобы бывший царь Николай Второй предстал перед судом трибунала и держал ответ за свои преступления против собственного народа. Только в силу последних событий это решение пришлось изменить. Всероссийский Исполнительный Совет одобрил решение сельского областного совета. Центральный Исполнительный Комитет имеет в настоящее время в своем распоряжении материалы и документы исключительной важности, которые могут быть использованы в деле против Николая Романова, а именно: его собственный дневник, который бывший царь вел почти до последнего дня, а также дневники его жены и детей; их переписку, среди которой — письма Григория Распутина к Николаю Романову и членам его семьи. Все эти материалы будут изучены и опубликованы в ближайшем будущем».

«Ньюс оф зе уорлд» 21 июля 1918 года, суббота.

Вертась перед трюмо, Карл рассматривал свое собственное тело. Ему никак не удавалось увидеть то, что его более всего интересовало. Кроме того, чертовски мешал неоновый свет, бьющий в окна. Карл недовольно морщился и изо всех сил скашивал глаза, пытаясь увидеть недоступное.

— Знаешь, я все-таки думаю, никакой ты не нигриец. Твой акцент непрерывно меняется.

— Мы все меняем свой акцент в соответствии с обстоятельствами.

В глубине зеркала их глаза встретились. Карл почувствовал холодок.

«Да, ТОВАРИЩ. Ты прав. Такие мы все — жертвы».

Карлу четырнадцать лет. Его мать и отец убиты взрывом бомбы в кафе на Бобринском бульваре.

Приятель Карла дружески кладет руки ему на плечи.
— Ну, а теперь чем бы ты хотел заняться?

Карлу четырнадцать лет. Он сидит на крыше вагона, свесив ноги. Паровоз ревет. Поезд идет по бескрайним равнинам. Поля по обе стороны мертвы. Черные выгоревшие пятна отмечают места, где еще недавно колосилась пшеница. Видно, что поля поджигали нарочно.

Над несущимся составом — небо. Небо огромное и пустое.

Карл ежится.

— Ну что, есть у тебя какие-нибудь идеи?

На горизонте гряда серых туч. Поезд мчится навстречу гряде. Она похожа на надвигающийся конец света. Поезд несет смерть. Поезд летит навстречу смерти. Груз состава — смерть, цель состава — смерть.

Там и тут вдоль состава — на ревушем паровозе, на вагонах, на открытых платформах — полощутся по ветру черные флаги, будто гигантские вороны пытаются удержаться, взмахивая крыльями.

Украина.

И снова Карл вздрагивает.

Карлу четырнадцать лет. Его матери и отцу было по тридцать пять, когда взрыв бомбы оборвал их жизнь. В Киев они приехали, потому что там, где они жили раньше, начались погромы. Родители считали, что в Киеве, у родственников, что жили на Бобринском бульваре, безопаснее. Кто-то бросил бомбу в кафе, и их не стало. Карл покинул Киев и через некоторое время оказался в Александровке, где столкнулся с воинством анархиста батьки Махно. Карл вступил в махновскую армию. Он уже успел побывать в нескольких битвах, и у него был собственный пулемет, предмет его гордости. Карл любил свой пулемет. Сейчас Карл занимался тем, что укреплял пулемет на плоской крыше вагона. Пулемет был английский, «лььюис». Пальто на Карле тоже было английское — кожаное, спереди специальный карман в форме кобуры. Во время последнего боя под Голтой Карлу удалось раздобыть револьвер. В том бою их разбили, они вынуждены были бежать. Сейчас они пробивались к Киеву, потому что железнодорожная ветка на Александровку была взорвана, чтобы отрезать им путь к отступлению. Черные боевые знамена Махно развевались на вагонах. На некоторых знаменах был махновский лозунг «АНАРХИЯ — МАТЬ ПОРЯДКА», на других не было ничего, просто черные

полотнища. После Голты батька пребывал в отвратительном расположении духа.

Сквозь перестук колес и рев и гудки паровоза слышались смех, пение, пиликанье гармошки. Махновцы облепили поезд, как мухи, расположившись везде, где только можно. Воинство это по большей части состояло из молодежи. Одежда их была красноречивым свидетельством сотен удачных набегов. Один носил высокий шелковый цилиндр, украшенный развевающимися красными и черными лентами; одет он был в меховую шубу с оторванными рукавами и обрезанными полами, чтобы ногам было свободно, и зеленые казацкие галифе, заправленные в красные кожаные сапоги. Грудь его крест-накрест пересекали пулеметные ленты. В руках у молодца была винтовка, из которой он время от времени палил в воздух. И безостановочно хохотал. На боку у парня болталась кривая казацкая шашка, а за пояс заткнуты маузер и «смит-вессон» 45-го калибра. Из рук в руки ходили бутылки с горилкой и вином. Молодец в черном цилиндре и шубе закинул голову и, придерживая цилиндр, лил вино себе прямо в глотку. Вино текло по бороде. Время от времени он отставлял бутылку и присоединялся к голосам, подхватывавшим припев песни, которую распевали те, кто сидел на крыше вагона: «В степи под Херсоном высокие травы...». Когда песня дошла до последних, сильных и печальных, строф, Карл не выдержал и тоже подхватил: «Лежит под курганом, заросшим бурьяном, махновский герой-атаман». Песня закончилась. Подхватив последние слова, загудел паровоз. Сидящие на вагоне откликнулись восторженным воем и, сорвав с голов шапки, замахали ими в воздухе — овчинные треухи, папахи, жockeyские шапочки, красноармейские шлемы, фуражки доброй дюжины частей царской армии. Карл был страшно горд, что является частью этой бесшабашной компании, которой плевать на смерть и которая ни во что не ставит собственную жизнь. Ну и что, если их движение обречено — плевать! Человечеству все равно скоро крышка. А так, по крайней мере, есть возможность умереть красиво.

Во всем составе не нашлось бы человека, который не был обвешан всевозможным оружием. Шашки, винтовки и пистолеты были практически у всех. У некоторых вдобавок к этому имелось спортивное оружие, а также старинное парадное. Кое-кто разжился двуручными мечами, шпагами XVII—XVIII веков, турецкими пистолетами, украшенными золотом, себром и жемчугами из чьих-то коллекций. Одежда тоже отличалась дивным разнообразием. Некоторые ходили в изуродованной красноармейской форме. У кого-то на головах красовались тропические шлемы. Там и тут поблескивали остроконечные немецкие каски. Были и широкополые соломенные шляпы, и котелки,

и Бог весь что еще. Рядом с Карлом сидел еще один счастливый обладатель пулемета — жирный грузин, обнаженный до пояса, в кальсонах и высоких кавалерийских сапогах, прошитых серебряной нитью. На шее у грузина висело украшенное перьями боа. Головного убора у него не было, зато на носу сидели темные очки в золотой оправе. На поясе болтались две кобуры с револьверами. Грузин клялся и божился, что револьверы эти принадлежали самому императору Николаю Второму. Рядом с грузином сидел моряк из Одессы. Обнаженная грудь была сплошь покрыта татуировками в виде драконов, мечей и полуодетых дам — все вперемешку. Самая свежая татуировка шла прямо по груди — не — анархистский лозунг: «Смерть Жизни!». Парнишка моложе Карла, одетый в рваную, залпанную кровью рясу, с вареным цыпленком в руке, лихо перепрыгнул к ним с соседнего вагона и подобрался к моряку, предлагая сделку: половину цыпленка за остаток вина. В другой руке милое дитя держало громадный мясницкий тесак. Оно уже было изрядно навеселе.

Поезд замедлил ход.

Впереди поднялся на ноги какой-то старик в студенческой фуражке, надетой на седые косы. Старик с размаху воткнул в крышу вагона казацкую пику и теперь держался за нее. На древке пики над головой старика трепетала рваная черная рубашка с намалеванным на ней восходящим желтым солнцем. Когда поезд затормозил, старик упал, но снова поднялся — лишь для того, чтобы снова упасть и покатыться к краю крыши. Пика осталась там, где он ее воткнул. Фуражка слетела со старика. Тот начал хохотать. Был он вусмерть пьян. Вагон дернуло. Старик свалился с поезда. Карл лихо отдал честь падающей под колеса фигуре.

Поезд входил на поворот. Состав изогнулся дугой. Теперь Карлу был виден первый вагон, где ехал сам батька Нестор Махно. Перед вагоном и за ним были прицеплены две платформы, на которых были установлены пушки. Сталь и медь тускло поблескивали под лучами солнца, время от времени пробивающегося меж облаков. Сразу за паровозом была прицеплена платформа, на которой, сбившись, стояли перепуганные лошади, вместо попон покрытые еврейскими молитвенными полотенцами. Махновские герои сидели вокруг вождя, свесив ноги по обе стороны вагона. Однако между ними и Махно оставалось свободное пространство. Никто не осмеливался сесть близко. Карлу махновская гвардия представлялась в виде одних ног. Ноги в кавалерийских сапогах, ноги в обмотках, сделанных из женских шелковых платьев, или из красного плюша, или из зеленого сукна, сорванного с бильярдного стола, или из желтых шелковых скатертей с еще сохранившимися на них бархатными кистями. Ноги в поношенных опорках, ноги в добротных

1

2

ART ELECTRONICS 2004 2 | 116 | МИРАЖИ

ART ELECTRONICS 2004 2 | 116 | МИРАЖИ

башмаках, ноги в сандалиях, ноги обутые и ноги голые, ноги расчесанные, ноги красные, ноги заскорузлые, ноги грязные. От махновского вагона не доносилось никаких песен. Похоже было, что батька с палачами слишком пьяны, чтобы петь.

На крыше штабного вагона было закреплено огромное, сияющее черным лаком ландо. Дверь ландо была украшена позолоченным гербом какого-то убиенного аристократа. Внутренность экипажа была обита богатой темно-красной марокканской кожей. На каждом из четырех углов ландо реяло на ветру черное знамя Анархии. По углам крыши вагона были установлены отполированные до блеска пулеметы. За каждым пулеметом притулился человек в белой казацкой фуражке и черном кожаном пальто. Пулеметчики не были пьяны. Махно, похоже, тоже не был пьян. Он развалился среди кожаных подушек ландо, задрал ноги в лакированных черных сапогах на сиденье кучера. На губах у него блуждала неопределенная улыбка. Махно развлекался тем, что подбрасывал револьвер высоко в воздух, ловил его и снова подбрасывал.

Нестор Махно умирает, внезапно понял Карл. Перед ним был маленький человечек, больной на вид. Лицо батьки было серой маской смерти. Черная казацкая фуражка и расшитый мундир только подчеркивали бледность кожи. Ко лбу прилипла прядь волос, придававшая ему некоторое сходство с Наполеоном. Только глаза еще жили. Даже отсюда, с того места, где сидел Карл, он различал эти глаза. Дикие, несчастные и злобные.

Нестор Махно все подбрасывал револьвер и ловил его, снова подбрасывал и ловил — и так до бесконечности.

Карл увидел, что они подъезжают к станции.

Перрон был пуст. Если бы были на станции пассажиры, ожидающие поезда, сейчас они куда-то попрятались. Люди всегда прятались, когда мимо проходила махновская армия. Карл ухмыльнулся себе под нос. Сейчас не то время, когда кроткий может выжить.

Поезд еще замедлил движение. Неужто батька решил зачем-то остановиться здесь? А затем, совершенно некстати, на перроне появился начальник станции. Одет он был в форму железнодорожного служащего, в правой ру-

ке у него был зеленый флажок. Надо же, какой болван, подумал Карл. Вокруг мир рушится, а ему на все насрать. Думает только о железнодорожном расписании.

Железнодорожник поднял левую руку и уверенно помахал, приветствуя поезд. На лице у него словно приклеилась жалкая умоляющая улыбка.

Паровоз и первые вагоны уже приближались к перрону. Карл увидел, как Нестор Махно в очередной раз поймал свой револьвер и снял его с предохранителя. Затем, в тот момент, когда ландо поравнялось с начальником станции, Махно небрежно выстрелил, не целясь. Похоже, он даже не удостоил начальника станции взглядом. Возможно, у батьки и не было намерения убивать этого человека. Но начальник станции упал, осев на подгибающихся ногах, да так и застыл, прислонившись к стене вокзала. Все тело его содрогалось. Он выронил свой флажок и схватился за горло. Грудь у него тяжело вздымалась, на губах выступила кровь.

Карл расхохотался. Он развернул свой пулемет и нажал на гашетку. Пулемет запел боевую песню. Пули хлестнули по стенам и заставили тело начальника станции в течение нескольких секунд исполнять странный танец. Проносясь мимо, Карл увидел, что на лице покойника застыла все та же умоляющая улыбка. Он снова нажал на гашетку и хлестнул по окнам вокзала. Стекла разлетелись вдребезги. Табличка с названием станции повисла на одном гвозде. Кто-то внутри вокзала закричал.

Называлась станция «Помочная».

Карл обернулся к жирному грузину, который открыл новую бутылку водки и шумно пил большими глотками. Грузин, похоже, и не заметил действий Карла. Карл хлопнул его по плечу.

— Эй, генацвале, где это мы? «Помочная» — что это за жопа?

Грузин пожал плечами и сунул Карлу бутылку. Он был слишком пьян, чтобы понять обращенный к нему вопрос.

Станция осталась позади и вскоре исчезла из вида.

Татуированный моряк, обнимая рукой с зажатым в ней маузером курносую девицу со спутанными волосами, взял у грузина бутылку и засунул ее в рот девице.

— Пей давай! — сказал он.

Бросил взгляд на Карла:

— Ну что, салага?

Карл собрался было вновь задать свой вопрос, на этот раз моряку, но поезд неожиданно вошел в туннель. Густой паровозный дым заполнил легкие и заставил слезиться глаза. Некоторое время никто ничего не видел. Отовсюду слышались кашель и ругань.

— Да так, ничего, — отозвался Карл.

(Эпизод почти в точности позаимствован из автобиографического произведения К. Паустовского «Повесть о жизни». — прим. перев.)

— Ты все еще немножко бледноват, — говорит Карлов дружок, захватывая пальцами свою собственную черную кожу. — Может быть, еще раз тебе устроить купание?

Карл качает головой.

— Тогда это будет довольно трудно отмыть. Ты же понимаешь, рано или поздно я должен уйти отсюда. А если я выйду черный, то это будет как-то неприлично.

— Это будет неприлично для тебя, если ты сам сочтешь это неприличным. Брось. В конце концов, не один же ты такой черный?

Карл хихикает.

— Бьюсь об заклад, ты говоришь это всем своим мальчикам.

КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ (9)

Вам говорят, что жить Вам осталось самое большее год. Как вы проведете этот год:

- а) развлекаясь в свое удовольствие;*
 - б) посвятив себя добрым делам;*
 - в) устройте себе медленный спокойный уход, тихо и скромно наслаждаясь самыми простыми и незамысловатыми житейскими радостями;*
 - д) попытаетесь наконец сделать то, к чему вы о чем Вы постоянно возвращались всю свою жизнь;*
 - е) все свои сбережения и силы бросите на то, чтобы попытаться найти лекарство, которое исцелило бы Вас от Вашего недуга.*
- Или же просто покончите с собой, и хрен с ним со всем?*